

H. J. H. H. H.

ИСПОВЕДАТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ

Вместо предисловия

Я давно заметил, что прошлая жизнь никогда не покидает нас. Она тихо уютится в душе смутными воспоминаниями — то полузабытыми обидами, то ушедшими радостями. И мы даже не подозреваем, какую власть имеет над нами былое. Потому что опыт и мудрость приходят к людям оттуда — из прожитого и пережитого.

Иногда очень хочется заглянуть в себя — десятилетнего, двадцатилетнего или уже пожившего, чтобы увидеть, что изменилось в твоей душе и в твоей жизни и надо ли что-то менять, чтобы ощутить уверенность, когда ее не хватает.

Я прожил долгую жизнь. Она распределилась по воле судьбы на разные эпохи... Помню ночной арест отца, а потом и его братьев, позже оправданных посмертно или прижизненно... Помню, как мы боялись похоронок и бомбежек в Великую Отечественную, как голодали, пряча в глубинах сердца надежды, которые у всех тогда были одинаковы. Много я успел рассказать об этом в стихах, постоянно возвращавших меня в те горестные годы... Но в одном трагическом случае признаться тогда не хватило сил. Шел второй год войны. Была весна. Я вдруг почувствовал, что сил на все уже не хватает... В каком-то отчаянном порыве написал маме покаянное письмо и, дождав-

шись, когда бабушка уйдет в огород, вставил в горящую электроплитку боевой патрон и прислонил свою грудь к будущей смерти... Но судьба решила иначе. Видно, что-то забыв, бабушка вернулась, и на шум открывшейся двери я машинально отпрянул. В тот же миг пуля просвистела в пяти сантиметрах от меня. Мама так никогда и не узнала о той ужасной минуте, которая в корне изменила мое отношение к жизни. Я повзрослел настолько, что в моей детской душе родилась в тот миг какая-то щемящая боль ответственности не только за себя, но и за всех, кто мне был дорог... Уже много позже, в разные годы судьба проверяла во мне умение держать перед собой ответ за все, что ты делаешь. Я обозначил в себе это состояние простым словом — совесть. А быть совестливым человеком в наши горькие времена не просто. Не хочу скатываться в брюзжание или в трясину обид, но мне кажется кощунственным, что есть люди на земле нашей, которым не стыдно, ничего, по сути, не знача, имея только золотое чиновничье кресло под собой, получать за свой сидячий труд в сотни раз больше денег, чем, например, мудрая учительница или юная библиотекарьша, выводящие наших детей к свету...

Культура держится не на речах,
Не на чиновничьем всеилии,
А на усталых держится плечах
Великих тружениц России.

...Я помню свою первую влюбленность, которая осенила меня еще в школьные годы. Моя избранница — невероятно красивая девочка с романтическим именем Алиса — училась в соседней школе в девятом классе, я в десятом. Отец ее после войны работал за границей, брат погиб на фронте, и она жила со своей матерью — простой русской женщиной, которая

души не чаяла в Алисе. Мы ничего не скрывали от Веры Ивановны — ни нашей любви, ни наших планов на будущее. И вдруг в дом нагрянула неожиданная беда — маму Алисы свалил смертельный недуг. Она мучилась от болей, но еще больше от горьких мыслей, что ее девочка останется одна. И тогда я пришел к больной измученной женщине и попросил руки ее дочери. Мне хотелось, чтобы Вера Ивановна знала, что Алиса никогда не будет в одиночестве...

Мы схоронили нашу маму на старом тверском кладбище и начали новую и непростую для нас обоих жизнь. Не знаю, поступил бы я так, если бы не случилось того далекого выстрела в моем доме, эхо которого не затихает во мне и по сей день. Ведь нам едва исполнилось восемнадцать! И вряд ли я понимал тогда, какую ответственность беру на себя, не имея ни профессии, ни жизненного опыта. В ЗАГСе в тот день все женщины смотрели на нас с нескрываемой нежностью и... печалью. Прошли годы, и, вспоминая свою первую любовь, я ни разу не пожалел ни о чем, хотя судьба позднее и разлучила нас...

Печально и трепетно письма твои
Давно отпылали в камине.
А в сердце моем уголечек любви
Еще освещал твое имя.

...Как изменились времена! Думая о своей юности и о тех годах, когда все мы были наивными романтиками и верили каждому слову, если нам его дарил друг, и принимали любой лозунг властей за чистую монету, я печально разочаровываюсь, когда замечаю в иных юных душах возвращенную кем-то лукавую способность свести любое, даже самое высокое, чувство к выгоде. Правда, все это было и в наше время, когда молодые ребята уезжали в далекие северные

края, чтобы найти себя и утвердиться в новой жизни... О деньгах не думали. Все это было как бы прикладное. Хотя уже и тогда появлялись особи обоого пола, для кого личная выгода была превыше всего. Но я с такими не дружил...

...Однажды несколько студентов Литературного института написали письмо Сталину, где сетовали на тяжелые условия студенческого быта — общежитие за городом, деньги на электричку доставай, где хочешь, столовой нет, стипендии малюсенькие. Письмо это мы носили по общежитию ночью, чтобы все подписали. По глупости мы тогда не представляли, что за такую «вольность» нас могли не только выгнать из института, но и посадить за решетку. А мне — сыну «врага народа» — попасть могло особо. «Подбил» нас на этот отчаянный шаг наш великий поэт Александр Твардовский, который от имени Союза писателей СССР шефствовал над Литературным институтом и который в тот день на студенческом собрании с обидой в голосе сказал нам, что живем мы как-то очень уж скучно. Студенты это поняли по-своему... И появилось письмо, которое подписали даже иностранные студенты — поэты, прозаики, критики... Разразился скандал. Меня вызвали на Лубянку. Седой полковник долго допытывался, кто еще, кроме меня, был инициатором злосчастного письма. А нас было четверо «декабристов». Но я называл только себя. Знаю, что и те трое не выдали никого. И все время у меня перед глазами стояла летняя ночь, когда люди в таких же зеленых френчах уводили моего отца в тюрьму...

Но в тот вечер мы победили. Потому что нашу юную запальчивость поддержали фронтовики — и преподаватели, и студенты, и что особенно было

важно — «закоперщик» Твардовский. Нам дали автобус, открыли столовую...

И да будет счастливым грядущее время!
А когда нас не станет — не делайте вид,
Будто не было нас...
В землю брошено семя.
Собирать урожай вам еще предстоит.

И все-таки иногда мне бывает стыдно, когда случайно покривлю душой или умышленно промолчу в угоду кому-то. Даже не в угоду себе. Это отголоски далекого времени, вселявшего в нас страх перед будущим, где мы не видели себя, потому что власть рисовала нам его без нашей бесшабашности и наивных откровений. И тогда я пишу стихи, в которых честно говорю обо всем, что со мною происходит и почему. А в стихах вся моя жизнь, где я не могу ни солгать, ни притаяться, ни слукавить... И как говорил Твардовский, где «ни прибавить, ни убавить...». Помню, на Секретариате Союза писателей СССР обсуждался журнал «Юность», вскоре после того, как я стал его главным редактором. Один из критиков, кому было поручено «доложить вопрос», накануне позвонил мне и сказал, что основа его доклада сводится к тому, что в нашем журнале «хорошее борется с очень хорошим...». К моему удивлению, которое не замерло во мне до сих пор, автор поменял концепцию с «очень хорошего» на «очень плохое». Я нередко сталкиваюсь с такими перестановками в писательской среде. Не так давно уважаемый талантливый прозаик на вручении ему Государственной премии тоже устроил перестановку своих прошлых книг и нынешней жизни, заявив, что ничто и никто его не затянет ни в какие болота. Имелась в виду демонстрация на Болотной площади, куда пришли честные и молодые граж-

дане высказать собственные взгляды на современную жизнь, найти пути ее улучшения... За что некоторые из них теперь в тюрьме.

Поэт Батюшков, кого Пушкин считал своим учителем, когда-то сказал: «Живи, как пишешь, и пиши, как живешь». Честному писателю иного не дано.

Пока мы боль чужую чувствуем,
Пока живет в нас сострадание,
Пока мечтаем мы и буйствуем, —
Есть нашей жизни оправдание.

Как хочется, чтобы каждый мною прожитый день был оправдан современниками, читателями, Временем...

Андрей Дементьев

**СТИХОТВОРЕНИЯ
2016–2018**

РОССИЯ

Я горжусь своей страной –
В счастье и в печали.
И красой ее земной,
И небесной далью.
Прошлым я ее горжусь.
Вечным сорок пятым.
Сердце помнит наизусть
Все Святые даты.
И у Вечного огня
Бью поклон солдатам,
Что спасли собой меня
В том же сорок пятом.
За добро плачу добром.
За обиды — болью.
Радуюсь, что отчий дом
Осенен любовью.
Я горжусь своей страной,
Хоть не все в ней свято,
Если рядом с беднотой
Власть плодит богатых.
Все равно — горжусь страной.
И вся жизнь мне вторит...
Верю я лишь ей одной –
В радости и в горе.

* * *

Уходят в мир иной мои друзья,
Порой так рано... И всегда неожиданно.
И память, по былым годам скользя,
Кровоточит сквозь боль мою и раны.
Я не могу смириться с этим злом,
Хотя, как говорится, все под Богом.
И мы когда-нибудь вослед уйдем.
И чей-то путь расстелен у порога.
А потому давайте жить взахлеб,
Чтоб каждый миг был радостью помечен.
И так дружить, и так работать,
Чтоб
Завистникам хвалиться было б нечем.
Но покидают мир друзья мои...
И сердце не справляется с печалью.
Я вышел с ними из одной семьи...
Ее Судьбой в народе величают.

* * *

Ничто меня так не тревожит,
Как хитрое умение ловчить.
Я видел,
Как ты восхищаться можешь
И без конца об этом говорить
Коллеге своему, когда он рядом.
Когда вы рядом...
Но наедине.
Публично же ты эту правду спрятал,
А твой товарищ так нуждался в ней.
Но ты смолчал...
Смолчал на всякий случай.
Вдруг будет недоволен некий зам,
Кому обязан ты судьбой везучей...
А тут еще соперник — дерзкий хам...
Так лучше уж не рисковать карьерой.
К тому ж молчанье все-таки не ложь.
А друг твой — он уже не первый,
Кого ты так умело предаешь.

